

ДМИТРИЙ ПАНКРАТОВ

КТО ВЫБИРАЕТ НАШУ ПРАВДУ



ОТ ПАМЯТИ СТАРЕЙШИНЫ ДО ОТВЕТА
ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА



Дмитрий Панкратов

Кто выбирает нашу правду

«Автор»

2026

Панкратов Д. В.

Кто выбирает нашу правду / Д. В. Панкратов — «Автор», 2026

Кто решает, какая версия прошлого и настоящего останется видимой? Когда-то для этого стирали имя с камня, сжигали архив или изымали тираж. Сегодня источник может физически сохраниться — и всё же исчезнуть из общественного сознания, если его не покажет поиск, не подхватит алгоритм и не включит в ответ искусственный интеллект. В этом историко-философском эссе прослеживает, как менялись каналы передачи знания — от личного опыта и устной традиции до письма, печати, цифровых платформ и генеративных моделей. Эхнатон и римская *damnatio memoriae*, Александрийская библиотека, советская энциклопедия, фильтрация обучающих корпусов и целенаправленное заполнение цифровой среды шумом складываются в единую историю борьбы за видимость правды. Новая угроза заключается не только в прямой лжи или цензуре, но и в незаметном исключении источника из синтезированного ответа. Ключевым правом информационной эпохи становится право восстановить путь от вывода к источникам, допущениям и отвергнутым версиям.

Содержание

Не лестница объективности	6
Знание на расстоянии вытянутой руки	7
Когда прошлое стало рассказом	8
Память получает тело	9
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Дмитрий Панкратов

Кто выбирает нашу правду

Римский каменотёс получает приказ: имя прежнего императора должно исчезнуть. Он берёт зубило и сбивает буквы с мрамора. Надпись становится неполной, лицо на рельефе — повреждённым, пьедестал — пустым. Власть пытается удалить человека из общественной памяти, но само удаление оставляет шрам. Через две тысячи лет именно по этому шраму историк иногда и понимает, что здесь велась борьба за прошлое.

Сегодня источник можно не разбивать и не сжигать. Он может продолжать лежать в архиве, на сервере или в библиотеке — и всё же почти исчезнуть из общественного сознания. Достаточно, чтобы его не показала поисковая система, не включил в ленту алгоритм, не выбрала модель и не упомянул персональный цифровой посредник. На месте исчезновения не останется ни скола, ни дыма, ни пустой полки.

В этом и состоит новый поворот старой истории. Человечество последовательно расширяло пространство передачи знания: от совместного действия — к рассказу, от рассказа — к записи, от записи — к массовому тиражу, от тиража — к цифровой сети. Теперь оно переходит от множества найденных источников к одному синтезированному ответу. Каждый переход давал обществу больше памяти и одновременно создавал новый рычаг управления ею.

История коммуникации — это не только история освобождения знания. Это ещё и история того, как менялись способы исключать знание из видимого мира.

ВАЖНОЕ УТОЧНЕНИЕ

Не лестница объективности

Было бы соблазнительно описать эту эволюцию простой формулой: чем шире охват, тем ниже достоверность. Но такая формула слишком прямолинейна. Устный рассказ способен исказиться при пересказе, зато собеседника можно немедленно расспросить. Письменный документ может быть ложным, зато его можно сопоставить с другой копией, датировать и исследовать. Массовая пресса способна обслуживать пропаганду, но конкурирующие издания делают публичное опровержение возможным. Интернет производит хаос, но также оставляет версии, зеркала и распределённые архивы. ИИ умеет уверенно ошибаться, но может за минуты сопоставить объём материала, недоступный отдельному человеку.

Поэтому полезно различать хотя бы четыре свойства. Достоверность — соответствует ли утверждение действительности. Верность передачи — насколько сообщение изменилось по пути. Проверяемость — можно ли восстановить источник и ход вывода. Ответственность — кто отвечает за ошибку и кому можно задать уточняющий вопрос. Новая технология редко улучшает всё сразу. Обычно она усиливает одни свойства и ослабляет другие.

Кроме того, новые каналы не уничтожают старые. Хирург всё ещё учится рядом с хирургом, ребёнок — у родителей, ремесленник — у мастера. Устный слух живёт рядом с архивом, книга — рядом с видеолентой, личный опыт — рядом с ответом модели. История похожа не на лестницу, где новая ступень отменяет предыдущую, а на многослойную систему. И на каждом слое идёт борьба за собственную версию правды.

I. ПРАКТИКА

Знание на расстоянии вытянутой руки

Самая древняя форма передачи знания — совместное действие. Младший смотрит, как старший выбирает след, разводит огонь, обрабатывает камень, распознаёт растение, а затем повторяет. Такое знание трудно отделить от тела, места и ситуации. Мастер не просто сообщает правило: он показывает момент, силу движения, исключение, цену ошибки. Обратная связь мгновенна, а ответственность персональна.

Выживание носителя действительно служит сильным фильтром практической пригодности. Но оно не превращает каждое его объяснение в истину. Человек мог выжить благодаря удаче, благоприятной среде или навыку, который соседствовал с неверным толкованием. Практика хорошо проверяет вопрос «работает ли это здесь?», но гораздо хуже — вопрос «почему это работает?».

Именно здесь возникает первый способ управлять знанием: не передать его. Доступ определяется родством, доверием, полом, возрастом, статусом, допуском к обряду или ремеслу. Знание защищено близостью, но эта же близость превращает его в монополию. Если погибает носитель или исключается ученик, вместе с человеком может исчезнуть и целая технология. У такого забвения нет документа: мы видим лишь то, что сумело перейти к следующему телу.

Первый цензор знания — не тот, кто запрещает текст, а тот, кто решает, кого пустить к практике.

II. УСТНАЯ ТРАДИЦИЯ

Когда прошлое стало рассказом

Речь намного древнее городов и государств, но именно устная традиция позволила знанию покинуть непосредственную ситуацию. Теперь можно было рассказать об охоте, которой слушатель не видел, о предке, которого он не знал, о дороге, по которой ещё не ходил. Формулы, ритм, повтор, песня и коллективный ритуал стали технологиями хранения до появления внешнего архива.

Устная память не обязательно хаотична. Сообщество может исправлять рассказчика, а ритуальное повторение — удерживать ядро повествования столетиями. Но рассказ всегда существует в настоящем. Его пересказывают нынешним слушателям, на нынешнем языке и для нынешней ситуации. Поэтому прошлое склонно незаметно приспосабливаться к актуальному устройству общества.

Один из самых наглядных случаев был зафиксирован у народа гонжа в современной Гане. В начале XX века предание называло семерых сыновей основателя государства — по числу семи территориальных подразделений, имевших право участвовать в передаче верховной власти. Через шестьдесят лет два подразделения исчезли с политической карты. В новой записи предания у основателя осталось уже пятеро сыновей; создатели исчезнувших ветвей не упоминались вовсе. Гуди и Уотт приводили этот случай как пример «структурной амнезии»: прошлое не просто забывалось, а приводилось в соответствие с устройством настоящего. [1]

Борьба за правду на этом этапе есть борьба за право говорить от имени группы. Кто ведёт родословную? Кто толкует поражение? Кто называет предателя и героя? Поскольку предыдущая версия не лежит рядом на полке, удачная новая версия способна заменить её без видимого следа. Метод контроля меняется: навык можно было не передать, событие можно не пересказать.

III. ПИСЬМО

Память получает тело

Письменность впервые дала сообщению материальное существование вне конкретного рассказчика. Знак можно перенести через пространство, прочитать после смерти автора, сопоставить с другим знаком. Возникают договор, перечень, закон, летопись, архив — и вместе с ними новая проверяемость. Письмо не сделало утверждения истинными, но сделало многие из них фиксируемыми и сравнимыми.

Одновременно память стала объектом физического контроля. Её можно было запереть, переписать, соскоблить, разбить или приписать авторитетному имени. Египетский фараон Эхнатон попытался перестроить религиозный порядок вокруг культа Атона. После его смерти преемники демонтировали сооружения, повторно использовали каменные блоки, а его и связанных с ним правителей исключили из официальных царских перечней. Это был не просто спор с умершим правителем, а попытка восстановить прежний мир путём редактирования материальной памяти. [2–3]

В Риме существовал набор посмертных санкций, который историки объединяют поздним термином *damnatio memoriae* — «осуждение памяти». Это была не одна неизменная юридическая процедура, применённая одинаково ко всем негодным. Однако известны сенатские решения против Домициана и Коммода; имена уничтожались в надписях, портреты снимались или переделывались, почести отменялись. Случаи Калигулы и Нерона сложнее, поэтому помещать всех четырёх в один стандартный список было бы неточно. [4–5]

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.